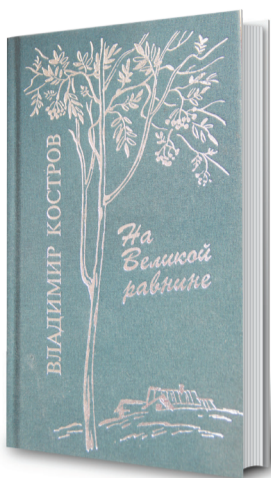

О сборнике Владимира Кострова «На великой равнине»

«Чист и светел Отечества лик»

После ухода из жизни, но не из русской культуры, талантливого поколения фронтовых поэтов, а потом и поэтов послевоенного поколения: Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Олега Дмитриева, Николая Рубцова, Бориса Примерова... резко оголилось качество современной поэзии. Это неестественное изменение заметил и поэт Владимир Костров: «К сожалению, в литературе стали всё больше появляться люди, которые строят творчество, как бизнес. Они словно торгуют товаром по свободным рыночным законам. Это их право. Но мне грустно...»

Эта справедливая оценка высказана поэтом с горечью сердечной. Он знает, о чём говорит, ибо из крупных, национально мыслящих писателей сегодня осталось немного истинных творцов: Глеб Горбовский, Лариса Васильева, Татьяна Сырнева, Василий Казанцев... и, конечно же, сам Владимир Костров. У меня было более пятидесяти лет добросовестного читательского наблюдения за его поэтическим становлением, чтобы видеть уверенный философский и творческий рост лирика. Вслушайтесь в эту дивную музыку молодого очарования в любви:

...Признаю твою дерзкую власть,
Не грущу о постылой свободе.
Значит, нет впереди пустоты
И печаль не туманит сознание,
Если вся отзывается ты
На улыбку мою и страданье.

1975 г.

И заметьте, уважаемый читатель, как изящно и знакомо, перекликаются эти молодые строки со строчками, написанными 33 года спустя:

...Чтоб снова под фонарные шмели
В бульвары нас позвал
Лукавый мальчик.
И слить в одно, чтоб было пополам.
Чтоб каждое мгновенье —
как знаменье,

Чтоб дать свободу чувствам и словам
И содрогаться от прикосновения.

2008 г.

Книга избранных стихотворений Владимира Андреевича Кострова неслучайно названа «На великой равнине». Его поэтическая равнина, как и родная земля, покрыта холмами, населена городами и весями, густо заросла лесом, заполнена великими реками и малыми речками. В этой равнине есть место и зверю, и птице, и рыбе, и человеку. В её исторической глубине, как в величайшем книгохранилище, таятся загадки многих древних племён, ещё не ведомые нам. Из её сказочного сундука в исконный час появляются сказания и былины, песни и юморинки, грустные и радостные. Вне сомнения, что для любителей поэзии эта книга — настоящий клад.

Первое на что думающий читатель обратит своё внимание — на неразрывность поэзии Владимира Кострова с окружающей жизнью. Поэт не отделяет свою жизнь от судьбы родины и в радости, и в горе. Вот яркий пример этой неразрывности судьбы поэта и его родины из недавнего времени — трагические события в Москве:

Ухнул филином танковый гром.
Вороньё закружилось у башен.
Как подтопок,
дымит Белый дом —
Дым Отечества чёрен и страшен.

Для столетия урон невелик.
Негодий многолик и проворен.
Чист и светел Отечества лик.
Дым Отечества горек и чёрен.

1993 г.

Заметьте, как немногословен поэт! Чтобы воспроизвести трагедию, ему нужно было взять только две краски: светлую и чёрную. И никаких эмоций! Поэтом ярко выделена суть трагедии через антитезу: чёрный дым Отечества и Отечества светлый лик. Эти строки говорят ясно о глубокой переживаний русского человека. На этом же, вне сомнения, классическом примере мы видим, как ясна и насыщена поэтическая речь Кострова. И убеждаемся, что его духовное мировоззрение и живое творчество не оторвано от поэзии классиков русской словесности.

Путь Владимира — мальчика из глухой костромской деревни («деревушка стоит на угоре») — напоминает биографию другого мальчика Серёжи Есенина, восшедшего на русский Парнас. И Кострова, как когда-то Есенина, также полюбили за талант и начинающие читатели, и выдающиеся люди современности. Не стоит искать имена их в интернете — они живут в самой поэзии Владимира Андреевича. Раскроем страницы его новой книги «На великой равнине» — поэт сам рассказывает о них:

«Боже, как стремительны столетья,
Памятью их только позови...».

И вот они перед нами — таланты родной земли, любимые собеседники поэта, мудрые учителя и современники, ушедшие и живущие: Гавриил Державин, Ермил Костров, Фёдор Тютчев, Иван Тургенев, Лев Толстой, Николай Гумилев, Максимилиан Волошин, Владимир Соловьёв, Василий Белов, Виктор Боков, Александр Пушкин, Николай Гоголь, Михаил Лермонтов, Сергей Есенин, Василий Лановой, Александра Пахмутова, Эдуард Володин, Лариса Васильева, Александр Твардовский, Георгий Свиридов, Николай Гоголь, родители Гагарина Алексей Иванович и Анна Тимофеевна, Валентин Распутин, Александр Опекушин, скульптор Мухина, Ярослав Смеляков, Владимир Соловьёв, Татьяна Петрова, Владимир Маяковский, Николай Скотов... Для поэта так же, как для Господа, «все живы».

Завидна судьба Владимира Андреевича. А почему спросите вы? Потому что он глубоко укоренился в родной земле. Иначе бы его перо не смогло написать такие стихи:

В итоге жизни быстротечной
Я не ценю свои труды.
Я не рождён для жизни вечной,
Но и не живу в нём беды.

Я перешёл и сушь, и слякоть
И о признание не молю.
Я был рождён, чтоб петь и плакать
И женщине шептать: люблю!

Под постамент не строил плана
И всё с собою унесу.
И ясная моя поляна
В ветлужском спрятана лесу...

Лишь деревушка на угоре
Меня услышит до конца,
Как подголоска в общем хоре,
Как дальний звук колокольца.

Мне нравится раскрепощённость его мысли, мне близка философия жизни поэта. Вот почему я люблю его творчество и считаю Владимира Андреевича выдающимся современником.

Анатолий ПАРПАРА

О книге Николая Соляника «Ай да Пушкин...»

«Я жив!» — пронеслось над Соротью

«... Да что за жизнь такая?! Слово заживо похоронили. Нет уж, я жив!», — прокричал что есть мочи. «Я жив!» — отозвались подросток, ели, дубы. «Я жив!», — пронеслось над Соротью!..»

Это фрагмент из книги. Пушкин ещё в Михайловском, издёрганый, измотанный несвободой, неопределённостью своей будущности. Далее следует приезд жандарма с депешей от псковского губернатора: срочно отправиться в Москву, к новому царю

Всё это известно, хрестоматийно. И вообще, что ещё нового можно сочинить о Пушкине — разве что присочинить. Не скажите: Пушкин, ведь он, как та печка, от которой все мы пляшем — хотим, не хотим. Пушкин — это повод для наших с вами размышлений о жизни текущей. Он для нас, как то лекало, по коему мы, сочинители, кроим и перекраиваем нашу действительность. «Я себя под Пушкиным чищу!» — воскликнул главный поэт революции. Это потом уже его опытные редактора подправили...

Вот и Соляник, легко пристроившись на задах коляски, проехал с Пушкиным от Михайловского до первопрестольной — и себя не растерял, и нас не вогнал в скуку, потому что в самой коляске Александр Сергеевич ехал! И всё-то ему, Солянику, про поэта ведомо: и что писал, и о чём заботился, и о чём с фельдшером вёл беседы в дороге. Верится! А это, как ни крутите, есть признак таланта.

Не прочь автор и поперечислять поэтов возлюбленных: с каждой как бы акварельку списал и нам представил. Нет, он не «на дружеской ноге» с великим поэтом, а в состоянии резонанса мыслей и чувств,

оттого кажется, что и мы вместе с Сан-Сергеем несёмся в Москву.

Как прошла аудиенция поэта с царём, мы знаем. Монарх из желания выглядеть благородным, прежде всего, в глазах Европы, даровал ему свободу (бывать в обеих столицах) и даже вызвался быть его цензором.

Но вернёмся к книге. Долгие версты позади, Пушкин — в Кремле, в главном кабинете. Навстречу ему выходит... невысокий, подтянутый человек, предлагает чай-кофе (появляется длинноногая секретарша), интересуется его творческими планами, делится с ним государственными делами: «Знаешь, у меня свои декабристы: в минувшем декабре вышли на площадь. А площадь-то — Болотная. Этим всё сказано...»

Из Кремля Пушкин едет к своему дяде Василию Львовичу. Потом встречается с давнишними (ещё по Петербургу) друзьями: Соболевским, Нащокиным, Вяземским... Читает им «Бориса Годунова». Пушкин зван в дома, он нарасхват. Он в зените славы! И ладно, что получил выговор от Бенкендорфа за то, что до объявления государя с пьесой представил её обществу...

Всё смешалось в прозе Соляника! Но он, лукавый, не заговорился, не записался — нет! Чудесным образом, следуя свободной форме повествования, отправляет его на сегодняшний Страстной бульвар. Там поэт (изумлённый женским одеянием — само собой) сталкивается со своим тёзкой-памятником. Разговор их — живописнейшие страницы книги. Затем Пушкин — в Литературном институте, немало удивившись, что такой существует. И можно представить (а лучше — прочитать), какими вопросами закидывали его студенты!

Но поэт спешно возвращается к друзьям, которые явно уже хватились его. Разговоры о литературе, об издании журнала («Московского вестника»). В числе новых его знакомцев немало молодых. Пушкина раздражают их идеалистические философствования. А более всего раздражён самим собой: не пишется. И потом это неуклюжее сватовство к Софье Пушкиной, дальней своей родственнице...

Снова гудящая Тверская. Где-то там, в потоке авто, затерялась коляска Пушкина. Вот она уже миновала Тверскую заставу (Триумфальная площадь), вот её уже со-

всем не видно. Пушкин уехал. И горько осознавать, что навсегда...

Но нет, автор не горюится расставаться с поэтом. Вспомнил, что мечтал он приобрести Савкину горку (останки средневекового городища, что рядом с Михайловским), где прежде так хорошо ему сочинялось. Построить там домик с окнами на все четыре стороны и засесть за работу. А задумок!..

«Я жив!» — пронеслось над речкой Соротью.

Владимир СУТЫРИН
Екатеринбург

